

Мастер слова и интересный рассказчик. Таким давно зарекомендовал себя в современной литературе сибирский прозаик Анатолий Кондауров. Прочитав хотя бы один раз его произведения, хочется новых встреч с автором на страницах его книг. Автор не только умеет рассказывать живым языком полноцветной русской речи. Его произведения объединяет нечастое качество – Анатолий Алексеевич не довлеет над читателем, не поучает его, хотя многие его рассказы, особенно из его практики следователя и юриста, весьма поучительны.

Кондауров не вещает, как некий оракул, знающий истину в последней инстанции. Он выводит своего читателя на просторы неспешного размышления и задумчивого диалога о жизни. Причем неважно, о чем пишет Кондауров – об охоте, ставшей одной из основных тем его творчества, или об отношениях мужчины и женщины, или о тайге, которая в его произведениях предстает некой живой сущностью – таинственной и непостижимой. Множество тем и лейтмотивов в творческом активе этого на удивление разнообразного писателя. И, конечно, я был рад получить от Анатолия Алексеевича его новую книгу рассказов «Блюз мимолетности».

В свое время на меня произвела большое впечатление его повесть «Таежный кодекс» – дохнуло со страниц книги такой огромной самобытной Сибирью, которая есть некое другое измерение, столь редкое в нашей (не сказал бы, да скажешь – суетливо пошлой!) повседневности. Так вот бегаёт-бегаёт читатель по замкнутому кругу житейской тщеты, а тут раз – и откроется ему книга Кондаурова, словно говоря: «Куда спешим? От кого убегаем? Не от себя ли?..»

Даже суровые мужские будни таежника, которые Кондауров так художественно осмыслил в своей таежной повести, вовсе не будничны, потому что каждый день не похож на другой. А почему не похож? А потому что – живой, в отличие от словно бы дистиллированных будней горожанина.

Писателям, особенно молодым, свойственно искать себя. Большинство авторов тратят на эти поиски годы и даже десятилетия. Многие, так и не найдя себя, сходят на нет в никуда. Анатолий Кондауров пришел в литературу со своей темой, которой даже подражать невозможно, до того она неподражаема. Человек интереснейшей биографии, долгие годы совмещал работу следователя-оперативника, а позже и солидного милицейского чина – с писательством. Темы рассказов сами находили его, причем – круглосуточно. Собственно, и работа писателя, как и работа правохранителя, разве не круглосуточная?

В книге «Блюз мимолетности» творчество Кондаурова играет новыми гранями, предстывая для меня как читателя совсем в другом ракурсе. С одной стороны он – некий Шерлок Холмс советской эпохи, на счету которого не одно раскрытое уголовное дело, признанный коллегами по службе. С другой стороны он же – некий доктор Ватсон, что переводит дедуктивные профессиональные методы в русло литературы. Рассказы службиста Кондаурова явно автобиографичные, не читаются, а буквально проглатываются, до того они живые и интересные.

Нам следует поблагодарить кондауровского друга-журналиста, что в один из своих приездов предложил Анатолию попытаться записывать

своей профессиональные следовательские дела. И эти занятия так захватили Кондаурова, что по счастью, не отпускает и доныне. По счастью для читателей! Записки следователя Кондаурова я бы посоветовал читать не только милицейским службистам, но и педагогам. Чтобы попытаться понять, почему при «пагубном влиянии улиц» из одного парня вырастает преступник, а из другого — человек, противостоящий преступности. Ведь только такой человек сможет изнутри понять душевную трагедию оступившегося по юности в преступность человека. Не поддаваться профессиональному искушению осуждения оступившихся. Уметь видеть даже в падшем человеке — человека. Казалось бы детективы — не самый философский жанр. Но в детективных историях Кондаурова ненавязчиво растворена между строчек та самая «милость к падшим», что завещал нам Пушкин! «Милость к падшим», как один из главных критериев настоящей русской литературы.

Собственно, пером баловались по молодости многие. Но если это «баловство» не ложится на глубокий фундамент таланта и взыскания слова, то оно будет недолгим и вряд ли успешным. Талант к слову передается по родове. Зреет-зреет в предках, чтобы потом явить себя в творчестве одного из потомков, и снова уйти, как подземная река, с глаз людских... И снова зреть и вызревать в поколениях.

Матушка будущего писателя, как мимоходом следует из его «записок следователя», была та еще хранительница самобытного русского наречия. В устах Елены Марковны даже порицания людских пороков вроде «жулебия» и «трищоба» — звучат самобытным колоритом народного наречия, где каждое слово, как неповторимый самоцвет, которым хочется любоваться пробовать на вкус.

Тайгу, как тему творчества и как образ жизни, Анатолий Кондауров выбрал, скорее всего, по образу и подобию отца — фронтовика и охотника-промысловика, которого любимая отцом тайга однажды и забрала к себе навсегда. Но и тайга выбрала Кондаурова, ведь не будь выбор взаимным, не было бы у нас сегодня в русской литературе таких неповторимых произведений на эту тему, которыми радуется Анатолий Алексеевич. Хотя сначала все-таки юный Анатолий выбрал профессию, где попытался перевоспитывать людей и переключать их с наклонных дорожек на честную, хотя нелегкую, дорогу жизни честной.

Не удовлетворяясь студенческой юридической учебной-теорией, предпочел с головой окунуться в практику ежедневной жизни милиции в то непростое время, когда страна пошла на слом. Воистину говорят: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет». Стоит почитать о том, как студент-заочник Кондауров, захотев вкусить практики милицейских буден, безо всякого табельного оружия в одиночку и по собственной инициативе сумел не просто арестовать преступника-рецидивиста, но и препроводить его в отделение милиции, где работал.

Позже этот следователь станет исследователем и менестрелем тайги, побредет таежной тропой в сторону большой литературы — от городской суеты, в которой равно участвуют преступники и потерпевшие, и порой с моральной точки зрения невозможно отличить одних от других, разве только с юридической...

О чем бы ни писал Кондауров, при всей широте его тем, главной темой остается человек. Анатолий Алексеевич даже в самом динамичном детективном экшене внимателен прежде всего к человеческой душе и мыслям. Рассказ о загадочном убийстве в духе Шерлока Холмса («Подсолнухи», «Весной опять не растут» и др.) не уступят по увлекательности

сжата конан-дойловской «Пестрой ленте» и «Пляшущим человечкам». В них герою повествования, в котором легко угадывается автор, есть где применить не только и не столько табельное оружие, сколько умственные способности, а часто и сострадание к подозреваемым, чтобы раскрыть преступный замысел. Но в этой же книге «Блюз мимолетности» – мы найдем такие удивительные с точки зрения психологии и философии рассказы, как «Анатомия побегов», «Укус пчелы», «Мимолетность» и многие другие...

Возможно, кто-то из коллег попеняет автору – мол, зачем объединять под одной обложкой столь разножанровые произведения – динамичный детектив и романтическую историю? Если попеняет, то будет очень неправ, потому что, по большому счету, жанр у кондауровских рассказов и повестей один – жанр души человеческой, которая раскрывается в разных обстоятельствах настолько по-разному, что вспомнишь Достоевского: «Широк русский человек!»

Рассказ «Подсолнухи» не просто конкретный случай раскрытия зависшего уголовного дела. «Висяк» – называют его следователи на своем профессиональном жаргоне. Но не только загадка преступления держит читателя в напряге. Но и исследование природы человеческой, столь склонной как к грехопадению, так и к покаянию. Одно преступление тянет другое, молчание случайного свидетеля становится причиной его гибели, непонятные детали нарастают как снежный ком, поначалу никак не вписываясь в логичную гипотезу происшедшего. И кажется, что уже нет никакой возможности пролить свет истины на это дело, остается лишь списать его в архив. Но что роднит профессии следователя и писателя? А то, что они круглосуточные! Если писатель стоит у окна и молча смотрит в окно, он – работает. Если следователь после трудной смены прилег на диван, на всякий случай не расставаясь с мобильником и табельным оружием, он – работает... Думаю, если бы по детективным рассказам Анатолия Кондаурова был снят фильм, этот фильм был бы обречен на успех, тут и надо-то режиссеру – не испортить качественной литературной основы, по максимуму сохранив ее!

Особо хочется выделить небольшой рассказ «Анатомия побегов». Читая его в череде рассказов в стиле художественного детектива, читатель поначалу думает о побеге лишь с точки зрения милицейской. Как в фильме «Берегись автомобиля» – один убегает, другой догоняет. Но повествование продолжается, и вот уже перед нами открывается во всю свою ширь тот мир, в которой побег – есть лишь следствие неприятия этого мира. И уже вовсе не понятно – кто убегающий, а кто догоняющий. А начиналось-то так по-милицейски!

Автор выводит нас на психологические и философские обобщения. И словно в знак особого доверия к нам, читателям, оставляет одних на этом пути, предпочитая замолчать... И перед нашим мысленным взором вдруг проходит весь путь от рождения, открывая глубокие истины, что лежат, оказывается, на поверхности, да мы в суете не видим их или предпочитаем не замечать... Анатолий Алексеевич дает нам подсказку о символике побега едва ли не как о символике победы, как вечный диалог внутренней жизни человека с его телесной жизнью. Все мы, хотим того или нет, являемся заложниками этой телесности. Не зря же святыми отцами сказано, что тело – тюрьма для души и духа. Кондауров рассматривает побег и как личный выбор человека, и как выбор народный, поупущенный свыше.

Хочу спросить, дорогие читатели, была бы наша страна Россия такой огромной, если бы не было в менталитете нашего народа вечной тяги

к побегу? Ведь бежали от того же Раскола целыми селами, не желая изменять вере предков. Бежали в Сибирь и дальше, не думая, что осваивают и приращивают территорию к невеликому по территории Московскому княжеству. В основе огромной территориальности России лежит неискоренимая тяга нашего народа к побегу. И как тут не согласиться с Анатолием Кондауровым:

«История побегов – Великая Империя Необъяснимого. Одно дело – бежать от обиды, тоски, скукоты, обиденности, в общем от различных форм зависимости, но когда человек лишается свободы – побег приобретает крайние формы: он переходит в навязчивое состояние, всецело овладевает душой и телом... Когда-то (не так уж давно!) в тишину бескрайних сибирских просторов глухим эхом влетали – сиплое дыхание людей, тихий ропот, тяжелая поступь, бряцание железа. До сих пор наши тобольские «копатели» находят на ссыльных трактах нательные кресты, складеньки да звенья кандалных цепей – мрачных свидетелей поруганной свободы...»

Анатолий Алексеевич расскажет нам сколь трагическую, столь же и загадочно романтическую историю древнего сибирского кедра, в котором долгие годы гнездо вил царственный орлан-белохвост. Однажды в лютый мороз рухнул подгнивший кедр-исполин, думается, он тоже совершил побег из брэнной жизни. Увидевший это охотник-селькуп решил, что не стоит пропадать большому количеству дров, приступил к кедру с пилой и сломал пилу о ... белую человеческую кость, обвитую ржавьем кандалного железа. Оказалось, что в огромном дупле кедра когда-то давным-давно пытался спрятаться от мороза и погоны беглец с лесоповала, несчастный заключенный, который так и остался навеки в дупле, найдя в нем последний приют свой...

Рассказывая о своем милицейском опыте в поимке бежавших из тюрьмы заключенных, Анатолий Кондауров говорит о побеге, как неискоренимой потребности человеческой души. Ведь в основе побега лежит надежда на свободу. А что такое литература? Разве не побег человека от реальности окружающей в реальность художественного вымысла?

Более неискоренимая потребность человеческая, такая вроде бы диаметрально противоположная побегу, это любовь. Только она, на верное, может стать (да и то не всегда!) противоядием тяги к побегу. Ведь если любовь сталкивается с ложью человеческих отношений, она в итоге тоже кончается побегом. Как это случилось в повести «Крым после «присоединения». Нет, это не о политике, это о любви, точнее, попытке любви. Страстно влюбленный лирический герой едет из далекой Сибири в Крым, который недавно вернулся в состав России после своего «побега» в Украину по вине недальновидного Хрущева. Герой едет не просто в Крым, он едет к девушке, которую мечтает назвать женой. У него нет даже мысли о побеге из родной Сибири. Даже во имя любви он не готов оставить родину. Хотя к побегу из суровой холодной Сибири его, коренного сибиряка, склоняют жители солнечного Крыма, прельщая южными красотами и возможностью семейной жизни. И тут герой понимает, что его надежда на то, что он едет к себе, то есть к любимой женщине, оказалась пустой, ведь, по сути, его хотят заставить убежать ОТ себя, от своих корней... В итоге главный герой после невеселых сомнений, попутно восхищаясь крымскими красотами, предпочитает избавление от навязчивого семейного окружения своей избранницы, которая к тому же оказалась не способна сделать окончательный выбор между ним и своими привычками...

Это прямо побег Подколесина из гоголевской «Женитьбы», от навязываемых окружающими представлений о счастье, по сути, побег к самому себе, а скорее даже – возвращение к себе самому... И нам надо поблагодарить автора книги «Блюз мимолетности» за то, что благодаря его творчеству и неповторимому жизненному опыту, живому и образному языку, благодаря его знанию души человеческой мы можем совершить вместе с ним очень поучительный и одновременно увлекательный побег от обыденной повседневности в тот мир, который существует рядом с нами, но редко нами замечаем, потому что он – в нас. Зря говорят, что от себя не убежишь! Сколько ходит нас по земле, однажды убежавших от себя да позабывших вернуться обратно. А для возвращения порой достаточно раскрыть добрую мудрую книгу...